

Притяжение Азии. Китайский опыт для России

Период истории, когда Россия вместе с Китаем была частью монгольского политического пространства, коренным образом изменил судьбу русской цивилизации. С этого момента в борьбе с вторгшейся азиатской идентичностью, нарушившей естественный, европейский ход нашей истории, начала формироваться российская цивилизация. Уже тогда Россия становилась евразийской, а азиатский компонент появился в ней задолго до того, как она стала евразийской географически. Именно этот азиатский ген впоследствии позволил России освоить обширные пространства Евразии, не дав шанс Польше реализовать свой геополитический проект. Ни один другой европейский народ не смог бы этого сделать, европейцы могли только колонизировать, то есть подчинять себе культурные пространства Азии и Африки и удерживать их силой. Азиатский ген России блокировал отторжение Азии, поэтому Российская империя не была разделена на колонии и метрополию и развивалась как единый политический и культурный организм¹.

Россия изменилась, но простить себе этого не могла. Естественное неприятие навязанной идентичности стало причиной того, что она стремилась возвратиться к своим истокам и по-прежнему мыслила себя европейской державой, хотя была уже другой. Считать себя европейской было для нее тем легче, что на протяжении всего этого времени Запад быстро развивался экономически и политически, расширяя свое влияние, в том числе на Восток. Представляя Запад, Россия шла в авангарде этого процесса, получая все выгоды от принадлежности к наиболее сильной части мира.

Сейчас впервые за многие столетия ситуация может в корне измениться. Поворот на Восток – это не только политический курс российского руководства в условиях мирового кризиса и санкций, это признание цивилизационной ценности и состоятельности *современного* Востока, его заслуг в проведении модернизации и поисках ответа на вызовы Запада. Теперь Восток уже не однозначно варварский и отсталый – он себя реабилитировал. Сначала Япония, затем азиатские «драконы» и «тигры» и, наконец, Китай продемонстрировали успехи во всех сферах экономической и общественной жизни. В таких обстоятельствах нам нечего больше стыдиться своих азиатских корней, и российский политический класс уже не боится и все чаще вспоминает свою евразийскую идентичность. В информационно-пропагандистском пространстве всё чаще ут-

¹ Особую роль в этом сыграло монгольское завоевание. Орда, как известно, терпимо относилась к православию, стремясь жестко контролировать лишь административно-политическую власть. Сохранившее в результате такой секуляризации более высокую степень своей автономности православие и стало фундаментом русской идентичности – более духовной, чем политической и этнической.

верждается, мнение, что татаро-монгольского ига не было, а был некий «союз дружественных племен», который, возможно, вытеснит из общественного сознания «братский союз трех славянских народов». И вот уже место Украины все прочнее занимает не менее братский, но евразийский Казахстан.

Такая перемена в умонастроениях означает, что евразийство как идея созрело для нового этапа практического воплощения. Ядром этого нового политического образования, вероятно, уже стал Евразийский экономический союз. Воплощенные в нем историко-культурная неоднородность, этническая и религиозная многослойность являются обязательным критерием цивилизации и дают ей широкий набор методов и средств, повышая ее устойчивость и жизнеспособность¹. Признание, быть может, вынужденное экономической слабостью и геополитической уязвимостью, сложносоставного, неоднородного характера Большой России может стать началом нового этапа цивилиогенеза, усилить азиатский дрейф и, одновременно, осознание себя не частью Европы, а носителем самостоятельного цивилизационного начала.

Нынешний выбор в пользу Востока – пока не окончательный, но, похоже, неизбежный. Всего двадцать пять лет назад Россия во имя европейской идентичности, ставшей особо привлекательной после неудачи социалистического проекта, постаралась избавиться от азиатского бремени в лице среднеазиатских и закавказских республик, чтобы из социалистической стать европейской, но так и не нашла себя в Европе и вернулась, уверенная в предначертанности своей евразийской миссии.

Ясное понимание характера и цивилизационного статуса России меняет представление о целях современного этапа развития. Это уже не модернизация европейского государства с неизменными либеральными ценностями, а преобразование евразийской цивилизации, главная задача которого не избавиться от азиатского бремени в пользу демократии и свободы, а сохранить свою идентичность и найти ей место в современности, интегрировав в нее достижения современного мира.

На смену фазе универсализма мировой истории, порожденной культурой модерна и европейским превосходством, приходит фаза идентичности, возвышающая Восток. Активизация восточного направления мирового развития проявляется не только в повороте России в Азию, но и в усилившемся влиянии Востока на Европу, прежде всего в результате мусульманских миграционных потоков, представители которых сохраняют свою культурную самобытность и в Европе. Фаза идентичности завершает эпоху классических модернизаций и открывает новые перспективы для России.

Участие во второй волне модернизации, которая охватила целый ряд европейских стран, в том числе Германию, Испанию, для России было основано на ошибке восприятия. Она считала, что является частью европейской цивилизации, просто наряду с некоторыми другими европейскими народами немного отстала. Поэтому приближение к передовому западноевропейскому обществу действительно могло восприниматься в качестве цели. Не случайно марксизм как первая экономическая и политическая теория модернизации появился в Германии², а практическое воплощение получил в России. Научный социа-

¹ Эта идея, высказанная А. Тойнби, вытекает из появления «родственно связанных цивилизаций». См. [3, с. 91–92]. В.И. Уколова связывает жизнеспособность цивилизаций с последовательным освоением жизненной среды и «переносом Вызовов и Ответов из внешней среды внутрь общества» [3, с. 13].

² Являясь прямой наследницей римского мира уже без малого двести лет, Германия активно ищет собственные варианты цивилизационного проекта для Европы и, несмотря на многочисленные неудачи и порой трагические последствия, сохраняет ведущую роль в интеграционных процессах на европейском пространстве.

лизм не просто взял в качестве цели наиболее развитое и передовое на тот момент западноевропейское общество, а попытался его улучшить с точки зрения принципов самой европейской цивилизации, прежде всего за счет гуманизма, социальной справедливости и рациональной организации общественного производства. В этом было главное отличие идеи социалистической модернизации от буржуазной, капиталистической, выведшей Западную Европу на лидирующие позиции в мире. В результате на определенном этапе Россия оказалась во главе общеевропейского движения, но, следуя своей цивилизационной траектории, не смогла надолго остаться в этом качестве и пошла своим путем, отдалившись от ценностей европейского социализма.

Революции начала XX века в России были реакцией на внутренний кризис, вызванный новым этапом мирового развития, и социалистический проект был только одним из возможных вариантов исторического движения, число которых всегда увеличивается в периоды кризиса, как, кстати, и сейчас. У социализма в России имелись альтернативы, которые были ближе ее цивилизационной природе, но уступали социализму в части соответствия доминировавшим тенденциям мирового развития, прежде всего экономическим. Поражение в конце 1920-х европейского социалистического проекта в России было связано с высокой абстрактностью и отвлеченностью поставленной цели. Ее запредельно высокие требования были необходимы для эмоционального подъема и начала революционного переустройства, но недостаточно конкретны для долговременной стратегии.

Наибольших результатов советский социалистический проект достиг тогда, когда отошел от идеалов европейского социализма и приблизился к своей азиатской природе – в сталинский период. Именно тогда произошло фактическое сокращение объективно измеряемого разрыва в уровне развития с западными странами, которое состоялось не в рамках приближения к европейским корням, а в рамках самостоятельного цивилизационного проекта.

Кризис в СССР начался с очередной попытки уйти с исторической траектории и вернуться к европейским основам государства и общества, с десакрализации власти в 1956 году и вслед за этим революционного по природе и сакрального по характеру социального проекта, то есть как только началось возвращение к изначальным гуманистическим ценностям социализма, к раннему Марксу. В Западной Европе социалистический проект между тем увенчался успехом. Социализм смог улучшить капитализм в рамках общего европейского движения. Западноевропейским социал-демократиям удалось построить социально справедливое общество. Швеция, Дания, Норвегия и даже Франция стали примером стран, если и не построивших социализм, то уже победивших капитализм. Открывшийся Западу, чтобы положить конец конфронтации и холодной войне, М. Горбачев был очарован успехами европейских социал-демократов и захотел хотя бы частично воплотить их опыт в России. Его ошибка состояла в том, что цивилизационная идентичность России опять была принесена в жертву притягательной западной идее. Логическим итогом деградации советской модели стало провозглашение общечеловеческих ценностей, «социализма с человеческим лицом», лишившее цивилизационный проект социально-исторического смысла. Следующим этапом, порожденным крахом советского проекта, стало еще более откровенное желание воплотить в России западный капитализм и окончательно порвать с евразийской идентичностью. Но, отбросив в 1990-х идеологические ограничения, цивилизационная природа взяла реванш, и на место казарменного социализма пришел не менее далекий от европейского оригинала бандитско-олигархический капитализм.

На рубеже XXI века продолжавшийся кризис в России и неожиданные успехи все еще социалистического Китая задали новую систему координат и

показали, что целью модернизации на новом историческом этапе является не повторение западного опыта, а сохранение идентичности и адаптация ее к современности.

Анализ общего с начала 1980-х годов процесса реформ в Китае и России может помочь вскрыть причины столь разных, местами диаметрально, результатов. Главная из них, как представляется, в том, что в Китае была ясная цель, понимаемая властью и принимаемая обществом, не менявшаяся на протяжении ста пятидесяти лет – восстановить свое место в мире, а не улучшить западную общественную модель, чего хотели большевики, совершая Октябрьскую революцию, или приблизиться к облагороженному социализму, чего добивался М. Горбачев в 1980-х годах.

Китай тоже не сразу освободился от заблуждений в формулировании стратегической цели и прошел несколько этапов поиска, прежде чем понял, что заимствование западного опыта является не целью, а всего лишь инструментом, чтобы сократить разрыв и преодолеть отставание. А единственно достойной целью для Китая может быть только цивилизационная миссия, оригинальный вклад в историю человечества. Поэтому его текущая задача заключается даже не в построении гармоничного социалистического общества, о котором еще десять лет назад говорил бывший генеральный секретарь Ху Цзиньтао, еще пытавшийся соединить китайскую традицию и коммунистический идеал, а в воплощении «китайской мечты», о которой в XXI веке предельно откровенно сказал Си Цзиньпин.

Изменение характера эпохи и вслед за этим русла мировой истории – всегда вызов для цивилизации. В выборе между выполнением исторической миссии и задачей просто выжить и сохраниться заключен главный конфликт современной России. Перед ней стоит выбор: подтвердить свой цивилизационный статус, взяв на себя груз исторической ответственности, либо его потерять и добровольно стать частью другого исторического субъекта, другой цивилизации, превратиться, по словам Н. Данилевского, в этнографический материал.

Появление на Востоке успешного и конкурентоспособного цивилизационного центра создало не просто новый полюс притяжения, но подтвердило принципиальную возможность творить и подсказало, что историческое движение современной России возможно не только в одной плоскости, по горизонтали – между Востоком и Западом, Европой и Азией, но и по вертикали – вверх по пути прогресса и вглубь цивилизационной природы.

Какие уроки может дать России опыт китайских реформ и модернизации?

Первое. Наличие не политически, а исторически обоснованной цели, может быть, недостаточно четко и окончательно сформулированной, но указывающей верное направление. Китай не открыл, а лишь подтвердил уже давно известную истину: с Нового времени, когда в стремлении уподобиться Богу Европа перенесла высокую цель из горнего мира в дольний, ясная, исторически обоснованная и практически подтвержденная цель является обязательным условием модернизации и вообще общественного развития.

Второе. Понимание высшей, цивилизационной идентичности прежде всего политическим классом, потому что именно власть во имя светлых и далеких целей всё время пытается надругаться над цивилизационной природой, избавиться от нее ради приближения к конъюнктурно сформулированному идеалу. Желание КПК сохранить «китайскую специфику» и отойти от универсальных представлений о социализме на протяжении десятилетий подвергалось критике со стороны КПСС и других европейских компартий, упрекавших ее за отход от социализма и за национализм. Но Китай выдержал давление, сохранил собственное представление о целях развития и потом успешно попытался его реализовать.

Социалистический Китай, конечно, тоже прошел через этап десакрализации в «культурную революцию», но КПК сумела принять стратегическое решение и подвести официальную черту историческому периоду поисков на шестом пленуме ЦК (1981), дав оценку и «культурной революции», и роли Мао Цзэдуна. Она признала ошибки и тем самым воссоединилась с народом, вернула сакральный авторитет власти, обязательный в авторитарном государстве. Это и стало той точкой, с которой Китай стартовал по пути успешных реформ.

Без принципиальной оценки недавних исторических событий в России, 1980-х и 1990-х годов, невозможно восстановить историческую траекторию развития государства и цивилизации и двигаться вперед. Ее отсутствие, безусловно, способствует поддержанию социально-политического мира, но в переходный период приоритет политической стабильности для государства может обернуться ловушкой, историческим тупиком для цивилизации. До тех пор, пока сама власть не даст оценку недавнему прошлому, продолжится ее стихийная, разрушительная по своим последствиям десакрализация.

А между тем, оценка предыдущего периода в обществе фактически уже произошла, и это означает, что Россия стоит накануне следующего шага. Вопрос заключается только в том, кто отважится его сделать и найти позитивное продолжение. В любом ответе на него будет воплощен один из основных конфликтов современного этапа российской истории: чьи интересы выражает власть – государства, народа или цивилизации? Необходимо определиться с местом государства в истории: не государство на службе общества, как в Европе, и не общество на службе государства, как часто было в отечественной истории, а, возможно, государство на службе цивилизации.

Третье. Россия, для которой Западная Европа с высоким уровнем жизни, развитой экономикой, передовой наукой и техникой всегда была ориентиром, на предыдущем этапе так и не смогла реализовать этот идеал, а новый так и не сформулировала. Китайский (и не только китайский) опыт показал, что многообразие может существовать и на уровне идеалов, а жизнеспособной в современном мире может быть не только западная модель¹. После всех болезненных ошибок важно не бояться творить. В аналогичной ситуации после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году Дэн Сяопин продолжал подталкивать реформы и как-то сказал: «Если есть возможность прыгнуть, надо прыгать» [4, с. 1324].

Четвертое. Универсальная методология модернизации – открытость и заимствования. Китай добавил к ней еще одну отличительную черту – эксперимент, который, во-первых, воплощает отказ от универсализма, и, во-вторых, приближает замысел к действительности. Именно на эксперимент ложится задача проверки соответствия внешних заимствований цивилизационной природе. Необходимо признать принципиальную возможность многообразия, и тогда эксперимент не будет крамолой.

Пятое. В отличие от европейских наций-государств большие государства Евразии многообразны и разнолики. Их цивилизационная идентичность больше и выше, чем конкретные экономические и политические институты, которые могут сосуществовать в общем большом пространстве, не конфликтуя, на Западе – за счет принципов государственного суверенитета и федерализма, на Востоке – за счет других механизмов.

¹ Предложенное Дж. Рамо в 2004 году понятие «пекинский консенсус» стало первой после холодной войны альтернативой «вашингтонскому консенсусу». Сейчас многочисленные эксперты уже открыто говорят и «делийском консенсусе», признавая успехи Индии не только в экономическом развитии, но и в построении собственной общественно-экономической модели.

Внутреннее многообразие цивилизации не противоречит идентичности и создает предпосылки для широкого использования эксперимента. В Европе еще с античности истина рождается на кончике пера, а не на кончиках пальцев. Высокая мера абстрактности наделяет ее всеобщим, универсальным характером. В Китае истина по-прежнему конкретна, там до сих пор «переходят реку, ощупывая камни».

Создание в конце 1970-х годов «специальных экономических зон», где допускались иные, несоциалистические экономические и политические механизмы, проложило путь к рыночной экономике по всей стране. Воссоединение с Гонконгом и Макао, сохранившими свое законодательство, политическую и судебную систему, на основе принципа «одно государство – два строя», существенно изменило фундаментальные представления современной западной науки о государстве, общественном строе и суверенитете.

К этому следует добавить, что правовые нормы в Китае часто не строгие, там по-прежнему правит человек, а не закон. Но именно эта черта правовой системы Китая, приближая юридический закон к реальности, повышает его эффективность. В Шэньчжэне уровень экономического развития и благосостояния такой же, как в Японии, а в Цинхае и Тибете – как в Индии или даже Бангладеш. Регулирование общественных отношений в этих регионах невозможно с позиций единой, строгой нормы. Китай вообще старается избегать категоричности, в стремлении к гармонии он не исключает возможные альтернативы и поэтому получает возможность дотраивать.

Сочетание разных методологических приемов, экономических и политических механизмов и социальных практик, стойко воспринимающееся в Европе как эклектика, в Китае приводит к позитивным результатам. Единственно возможное объяснение его успехов в признании качественного отличия китайского общества и законов его функционирования от западных.

Шестое. Китай сохранил ведущую роль государства в развитии. Являясь страной авторитарной политической культуры, он нашел способ модернизировать авторитаризм за счет его институализации, создал механизмы подготовки и периодической смены руководства, распределения власти по поколениям и властных функций внутри поколения. Таким образом, был найден способ воспроизводства эффективного, реагирующего на внешние и внутренние вызовы государства. Легитимность власти в Китае достигается не избирательным процессом, всеобщими выборами и пропорциональным представительством, а высоким профессионализмом чиновников и их эффективностью – авторитетом [подр. см. 1].

Седьмое. Создание институализированной системы контроля. В китайской политической системе эффективность управления обеспечивается не за счет разделения полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти, а за счет строгого контроля за исполнением решений. Поскольку в авторитарной системе нет полноценного разделения властей, то и контроль за исполнительной властью важнее законодательных функций. Не закон, а всеобъемлющий контроль – вот главный инструмент авторитарной власти. В Китае все центральные политические институты имеют свои контролирующие органы. Избираемая, как и ЦК, съездом Центральная комиссия по проверке дисциплины – в КПК, Министерство контроля – в Госсовете, контрольные функции выполняет Народный политический консультативный совет Китая, изначально выполнявший роль негосударственного механизма обратной связи.

Восьмое. Способность мыслить в категориях не политического, а исторического времени. Это достижение китайской цивилизации, которое не было утрачено и оказалось действенно в период модернизации. Осваивая новые территории, прежде всего Новый Свет, Запад сбрасывал негативную историческую инерцию и ускорял развитие – скорость, а не стабильность стала главным

критерием успеха современного государства. Китайская цивилизация научилась осваивать время. Она не ставит перед собой сверхзадачи, решить которые должна на протяжении жизни одного поколения. Даже для такого динамичного процесса, как модернизация, ставятся цели, на достижение которых отводятся десятилетия и столетия. Например, текущая стадия исторического развития – «начальный этап социализма» в Китае – будет продолжаться «сто лет или более», политика в отношении Гонконга и Макао «не изменится на протяжении пятидесяти лет». Эти и другие ключевые положения закреплены на высшем партийном и государственном уровне.

Осознав себя цивилизационным субъектом, Россия тоже может ставить цели исторического масштаба и не стараться достичь их за пять или десять лет, когда мы хотели обогнать Европу и Америку: «пятилетку за три года» в 1930-х при И. Сталине, «коммунизм за двадцать лет» в 1960-х при Н. Хрущеве, «ускорение» в 1980-х при М. Горбачеве. Построить демократию в России за десять лет невозможно, а институализировать авторитаризм за это время, думаю, по силам. Критерий эффективного использования времени – необратимость изменений. Китай научился осваивать время и для того, чтобы осваивать его эффективно, не торопиться.

Идея принципиальной эволюционности как характерная черта китайской цивилизации, а теперь еще и модернизации, предопределила метод преобразований: отказ от революционного радикализма, неизбежно связанного с разрушением и, главное, с возможной обратимостью. Эволюционный метод, напротив, предполагает сохранение, укрепление и постепенное достраивание идентичности. Но одного этого, конечно, недостаточно, нужно системное и осознанное движение вперед, новый проект.

Не всё из китайского опыта можно и нужно заимствовать, но черпать вдохновение в нем, безусловно, можно.

У России нет пятитысячелетнего исторического ресурса, как у Китая, но у нее есть другой фундаментальный ресурс – пространство, которое тоже можно эффективно использовать. Россия, как и Европа, может попытаться сбросить негативную инерцию, сместив центр тяжести на Восток, сначала, может быть, только политический. Например, к первопрестольной и северной добавить еще одну столицу – восточноазиатскую, расположив ее в АТР, наиболее динамичном регионе современного мира, уже ставшем одним из его экономических центров. Создание Министерства по развитию Дальнего Востока – шаг в правильном направлении, но явно недостаточный. Для реализации стратегических решений допустимо изменить Конституцию, ввести пост вице-президента с постоянным представительством на Дальнем Востоке, переместить на восток одну из палат Федерального Собрания, то есть сменить вектор и не расширять Москву до границ Евросоюза¹. Н. Назарбаев, вероятно, единственный из действующих лидеров постсоветского пространства владеющий стратегической культурой сверхдержавы и опытом реализации крупного социально-исторического проекта, не побоялся в критический момент перенести столицу на север и придать Казахстану не центральноазиатский, а евразийский импульс развития.

Освободиться от азиатского бремени России не удалось не только во внутренней, но и во внешней политике. Не только трудовые мигранты, но и политические союзники у нас остались только на Востоке. Россия готова участвовать в обоих интеграционных проектах на пространстве Евразии, реализуя свое гео-

¹ Пять лет назад автором были высказаны некоторые похожие идеи, в том числе о создании Министерства по развитию Дальнего Востока (создано в 2012 году). См. [2, с. 11].

политическое преимущество. Сегодня в России не вызывает неприятия мысль не только о Великой Европе от Лиссабона до Владивостока, но и о Великой Азии от Шанхая до Санкт-Петербурга.

Если раньше, когда мировая история была сосредоточена в Европе и Северной Америке, геополитика была связана с нациями и государствами, то сейчас, в глобальном мире, она связана с цивилизациями. На Западе Россия часто еще ведет себя как государство и часть европейского пространства, потому что для нее Европа всегда была берегом, к которому можно пристать. После появления центра притяжения в Азии возвращение к этому берегу целиком может оказаться невозможным и даже бессмысленным. Бурное развитие восточно-азиатских соседей помогло осознать, что в АТР Россия выступает уже не как государство, а как цивилизация, настолько очевидны ее отличия. И Европа теперь должна понимать, что всякая изоляция России на Западе будет способствовать ее интеграции на Востоке, и ценить, что благодаря России родственное европейскому культурное пространство протянулось на всю Северную Азию, от Европы до Америки, потому что ничего не бывает вечным.

В 2015 году незаметно прошла важная, но всеми забытая дата – тридцать лет начала «перестройки». В середине 1980-х годов национальный интеллект попытался воспользоваться открывшейся возможностью и совершить хождение во власть и политику, но безуспешно, и вернулся на кухни. Возможно, досада от неудачи уже прошла, за тридцать лет выросло новое поколение без фантомных болей, драматически сократившееся численно, но более зрелое и независимое, и сейчас имеет смысл предпринять новую попытку. С учетом имеющегося опыта, когда власть не всегда прислушивается к интеллекту (как желудок к голове – одна из главных причин ожирения), возможно, стоит подумать об их объединении не на основе власти, а на основе интеллекта.

Литература

1. Виноградов А.В. Политическая модернизация: проблемы институализации в Китае и России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. СПб., 2012. № 2. С. 66–77.
2. Виноградов А.В. Россия в АТР: новые цели и задачи // Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества. М., 2011, РИСИ. С. 11.
3. Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.
4. Дэн Сяопин нянь пу. Ся цзюань (1975–1997). [Хроника Дэн Сяопина. Т. 2 (1975–1997)] Пекин, 2004.

Аннотация. Дискуссия о цивилизационной принадлежности России продолжается уже несколько столетий. Поворот России на Восток в контексте мирового экономического кризиса и западных санкций добавил этой дискуссии актуальности и остроты. Несмотря на бесспорную принадлежность России европейской культуре, ее формирование как евразийской цивилизации началось в XIII веке в результате монгольских завоеваний. Она стала евразийской задолго до того, как оказалась евразийской географически. Формирование в Азии нового экономического и политического центра мира вернуло привлекательность азиатским моделям, а успешный опыт китайских реформ дал России основания и дополнительные аргументы для поиска собственной модели развития, сопоставления ее не только с нормативными европейскими представлениями, но и с азиатскими образцами.

Ключевые слова: евразийская цивилизация, цивилизационная принадлежность России, социалистический проект, китайская модернизация, опыт китайских реформ, институализированный авторитаризм.

Andrey Vinogradov, Ph.D. in Political Science, Professor; Head, Center for Political Research and Forecasts, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

Attraction of Asia. Chinese Experience for Russia

Abstract. The discussion on Russia's civilization identity has been under way for several centuries. Russia's pivot to the East amid the world's economic crisis and western sanctions adds spice and relevance to the discussion. Despite the undisputable European origin of the Russian culture the history of Russia as the Euroasian civilization started during the Mongolian conquests in 13th century. Russia became Eurasian long before it became Eurasian geographically. The rise of the new global economic and political centre in Asia revived the positive attitude to the Asian development models, and the success of Chinese reforms gives solid ground and additional arguments for Russia's quest for its own social development model that could be compared with the existing Asian examples as well as European normative theories.

Keywords: Eurasian Civilization, Russia's Civilization Identity, Socialist Concept, Chinese Modernization, Chinese Reforms, Institutionalized Authoritarianism.